

AdlenAdl AdlenAdl

Мемуары Агента Р.

18+

AdlenAdl AdlenAdl
Мемуары Агента Р.

«Автор»

2026

AdlenAdl A.

Мемуары Агента Р. / А. AdlenAdl — «Автор», 2026

Розалин Поттер снова и снова проживает одну и ту же жизнь, каждый раз умирая и возвращаясь к началу. На первый взгляд временные петли кажутся даром, редкой возможностью всё исправить. Но с каждой новой попыткой она всё отчётливее осознаёт, что мир вокруг не становится понятнее.

Напротив, он раскрывается с пугающей стороны. ЧТО ВАС ЖДЁТ: 1.

Сложный путь от слабой и наивной девочки до сильной героини; 2. Морально неоднозначные поступки персонажей; 3. Многослойный и усложнённый магический мир Гарри Поттера. Знакомые элементы канона будут расширены и переосмыслены; 4. Лавкрафтовские мотивы: формы жизни и сущности, выходящие за пределы человеческого понимания. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:

Список может меняться, поскольку автор пишет без жёсткого долгосрочного плана, история развивается вместе с персонажами.

AdlenAdl AdlenAdl Мемуары Агента Р.

Сначала было давление. Жуткое, всепоглощающее давление, будто тебя выталкивают наружу из узкой, скользкой трубы. Что-то сжимало меня судорожно, словно в панике.

Я не могла дышать. Я пыталась, видит Бог, я пыталась вдохнуть, – рефлекс или память – но ничего не происходило. Мои лёгкие были полны жидкости, как будто я захлебнулась ещё до начала этого кошмара. Мне не было больно, но мозг кричал, что я задыхаюсь. Я пыталась кричать, но звука не было. Только внутренний визг.

Вдобавок, я была словно прикована к этому месту. Мои конечности не слушались, не шевелились, не отвечали на зов сознания. Ничего более нестерпимого я никогда не испытывала – беззащитность в ловушке собственного тела, где я была пленницей, не в силах даже закричать.

Сколько длился этот Ад – не знаю. Я даже более-менее привыкла к теплой жидкости внутри меня. Время потеряло смысл, как и надежда. Но в конце концов, словно прорвав невидимые цепи, я вырвалась из этой душающей тюрьмы – только чтобы попасть в ещё более мрачное и страшное место, неизвестное и холодное.

Сначала я увидела слабый, расплывчатый свет и в груди проснулось облегчение, почти надежда, что я ушла от этого Ада. Но облегчение длилось мгновение. Внезапно меня пронзил холод. После тёплого, почти горячего кокона, этот резкий перепад температуры был невыносим. Воздух казался ледяным, он резал кожу, будто ножами.

Не успела я оклематься от холода, как меня известили другим сюрпризом. Меня ударили. Внезапно, резко и жестоко. Боль ворвалась в моё тело, как вспышка: острая и обжигающая. Я не понимала, за что, зачем, почему кто-то причиняет мне такую боль.

Я не могла передать всю гамму эмоций, поэтому мне пришлось сделать это единственным действенным способом. Я закричала. Это был первый крик, и первый жгучий, болезненный вдох.

Не то, чтобы я осознавала в тот момент, что родилась. Мне казалось, я просто вырвалась из одного кошмара – только чтобы попасть в другой. Но обо все по порядку..

Напасть не заставила себя снова ждать.

Вокруг раздался звук: резкий, громкий и незнакомый. Он обрушился на меня, как лавина, так как в той темноте, где я существовала до этого момента, не было ничего. Ни движения, ни света... и ни звука. Абсолютная, вязкая тишина... не глухота, а именно отсутствие самого понятия звука. Там не было ни стука сердца, ни голосов, ни даже собственного дыхания. Лишь безвременье и покой, похожий на забвение.

Я не осознавала, что это голоса, что это слова. Мой разум всё ещё держался в плену темноты, которую я знала всю свою «жизнь» до этого момента. Теперь же этот звук разрывал тишину, вызывая в груди дрожь. Это был первый шум, который я услышала за долгое время, и он пугал меня до глубины души.

Так я встретила этот мир: ослеплённая светом, обожжённая холодом, пронзённая болью и заглушённая незнакомыми звуками.

Добро пожаловать, как говорится, в жизнь.

Сознание приходило медленно. Обрывками. Волнами, как если бы я всплывала со дна глубочайшего океана, каждый раз хватая ртом воздух, чтобы снова исчезнуть в пучине. Прошло, как мне казалось, несколько дней, прежде чем я поняла, что я родилась.

Да, звучит нелепо, ведь как можно не осознать это сразу? Но мой разум не справлялся. Он был захлестнут. Перегружен. Младенческий мозг, как оказалось, не вмещает многого. Всё

происходящее вспыхивало и гасло, оставляя после себя лишь ощущение измотанности и бессилия. Но когда это простое, пугающее знание наконец прорвалось, то всё стало на свои места.

Вот почему я ничего не вижу. Вот почему я не могу пошевелить руками как хочу. Вот почему я кормлюсь молоком из груди как... Как животное. Это не кошмар. Не иллюзия. Не кома. Это реальность.

Я младенец.

Я плыла в этом хаосе, беспомощная, уставшая, сражающаяся за хотя бы одну чёткую мысль. Всё было чужим, слишком ярким, слишком громким, слишком настоящим. Казалось, меня выдернули из небытия и бросили в этот мир без предупреждения, без инструкций, без защиты.

Моё тело жило своей жизнью. Глаза закрывались сами собой, мышцы дёргались бессмысленно. Я не управляла собой. Я была как заключённая в неуклюжем, слишком маленьком теле, которое не подчинялось ни разуму, ни воле.

Я не знала, не понимала, сколько времени прошло с моего озарения, но это было невыносимо. Дело было даже не в том, что я лежала закутанная в одеяльце, не в силах пошевелиться и на миллиметр, а в примитивных рефлексах тела.

Я не хотела пить грудное молоко. Сама мысль об этом вызывала у меня какую-то брезгливость. Но тело – это тело. Оно знало, чего хочет и, как только меня прижимали к женщине, всё происходило само собой. Рот сам начинал сосать, и сладковатое, чуть тёплое молоко заполняло желудок. Внутри меня тошнило, но тело было довольным.

И мне приходилось пить, и пить, и пить дни напролет.

Но это не самое страшное. Хуже всего было чувствовать, как тепло разливается между ног и не только. Инстинктивное отвращение, унижение – оно подступило внезапно, лавиной. Мозг знал, что «так нельзя», а тело делало. Просто потому что.

Я не была ребёнком, не совсем. В моей голове ещё теплился человек, который помнил, что значит быть взрослым, стыдиться, прятаться, терпеть. Но сейчас я лежала в собственных выделениях и не могла даже отвернуться.

Приходилось кричать, пока не придет женщина, моя новая мама. Она мыла меня тёплой водой, меняла подгузник, шептала что-то ласковое.

И каждый раз внутри меня что-то сжималось от нежности, которую я не знала, не могла и, может быть, даже не хотела принимать.

Но иногда этого даже не требовалось. Иногда подгузник словно самоочищался. Знаю, глупо. Возможно, я просто не замечала, как она приходит и уносит мою неловкость вместе с испачканной тканью.

Может, я засыпала, а просыпалась уже в чистом или теряла сознание, перегруженная ощущениями и телом, которое не слушалось.

Я была полностью во власти чужих рук и чужой доброты, и эта зависимость пугала не меньше, чем переродившаяся жизнь. Ведь они могли меня оставить однажды и уйти куда-то.

Я знал – да, знала всеми своими оглушёнными чувствами и размытым сознанием, – что эти люди любят меня. Они любили. Я чувствовала это в прикосновениях, в интонациях, в том, как они держали меня, как говорили обо мне. Любили не только меня, но ещё и его. Моего брата.

Это было как удар под дых.

Потому что принять эту любовь – значило бы предать ту, что была До.

Я знала, что у меня была семья в прошлой жизни. Не лица, не имена – нет. Но были ощущения. Как если бы память хранила истину, выцарапанную в самой душе.

Я позволяла сознательно и нет брать многое темноте. Хотя, пожалуй, правильнее называть это уже чистилищем, не так ли? Это не было просто ничто – оно имело волю.

Чистилище забрало у меня почти все, кроме одного. Моей семьи. Их я защищала, как зверь.

Когда тьма подбиралась к ним, я рычала. Я кричала. Я цеплялась за них когтями воли, цеплялась отчаянно, до боли, до иступления. Я вырывала у забвения то, что не хотела потерять. Позволяла забрать всё остальное, но лишь бы не их. Пусть исчезнут мечты, пусть сотрутся лица друзей, пусть я забуду, каково это – быть собой. Только не они.

Мать. Отец. И кто-то ещё... брат. Я знала, что он был старше. Что он был добрый. Что с ним я была в безопасности. Его имя исчезло первым.

Может, я уже почти ничего не чувствовала к ним, так как чистилище слишком долго точило мое сердце. Но остатки той любви были как тлеющий уголёк, и я берегла его так, будто в нём хранился весь смысл моего существования. Неважно, что эмоции уже не пылали. Неважно, что осталась одна лишь тень. Я знала: если исчезнет и это – тогда исчезну и я.

И потому сейчас, в новом теле, с новой матерью, с новым отцом и с новым братом рядом – я не могла принять всё это сразу. Не потому, что они были плохими. А потому, что в моём сердце всё ещё жила та первая семья. И я не была готова предать её забвением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.